

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ

Служба въ Радомѣ ¹⁾.

Но, что замѣчательнѣе всего, что о. Ивановскій пользовался уваженіемъ и даже расположеніемъ и учениковъ инославныхъ исповѣданій: было достаточно случаевъ, что ученики-католики обращались къ нему за совѣтомъ и съ просьбою ходатайствовать за нихъ. Нечего и говорить о томъ, что отношенія его къ товарищамъ и сослуживцамъ по гимназіи были самыя корректныя и доброжелательныя. Продолжительная служба въ Западномъ краѣ, среди населенія котораго находился значительный процентъ поляковъ и католиковъ, дала о. Ивановскому возможность изучить характеръ и настроеніе мѣстнаго общества, что въ свою очередь содѣйствовало ему въ урегулированіи его отношеній къ товарищамъ по гимназіи и къ польскому радомскому населенію, съ которымъ приходилось ему сталкиваться. Твердо стоя за принципы православія и русской народности, от. Михаилъ, не будучи фанатикомъ, умѣлъ уважать принципы и права и лицъ инославныхъ исповѣданій, по скольку представители ихъ относились съ такими же чувствами къ принципамъ православія и русской національности. Съ интеллигентомъ и человѣкомъ знающимъ русскій языкъ от. Ивановскій никогда не считалъ умѣстнымъ разговаривать по-польски, но съ человѣкомъ простымъ, или незнающимъ русскаго языка, онъ охотно велъ частную бесѣду по-польски. Своимъ характеромъ и всѣмъ образомъ своихъ дѣйствій онъ снискалъ себѣ

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1913 г.

общее расположеніе и уваженіе и, когда онъ былъ переведенъ изъ Радома въ Люблинъ, ему былъ устроенъ прощальный обѣдъ, въ которомъ, кромѣ лицъ православнаго исповѣданія, приняли участіе всѣ учителя гимназій и многіе поляки изъ мѣстныхъ чиновниковъ и общественныхъ дѣятелей.

Въ теченіе своей продолжительной педагогической службы, я не встрѣчалъ законоучителя, который способенъ былъ бы излагать религіозныя истины такъ просто, доступно дѣтскому пониманію и съ такимъ чувствомъ, какъ законоучитель римско-католическаго исповѣданія Радомской мужской гимназій, почетный каноникъ Іосифъ Михайловичъ Урбанскій, состоявшій на службѣ въ этомъ заведеніи свыше двадцати пяти лѣтъ, съ 1 января 1871 по день увольненія 1 авг. 1897 г. Если принять во вниманіе, что законоучитель Урбанскій получилъ первоначальное образованіе въ Радомской мужской гимназій и состоялъ на службѣ въ этомъ учебномъ заведеніи свыше 25 лѣтъ и пользовался въ немъ уваженіемъ за свою дѣятельность, корректное отношеніе къ сослуживцамъ и благотворное вліяніе на учащихся, то станетъ понятнымъ то побужденіе, которымъ онъ руководствовался при учрежденіи въ этомъ учебномъ заведеніи стипендіи своего имени, для несостоятельныхъ и благонравныхъ воспитанниковъ гимназій. Положеніе о стипендіи имени каноника Іосифа Михайловича Урбанскаго утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 14 января 1900 года. Кромѣ педагогическихъ способностей, каноникъ Урбанскій отличался прекраснымъ уживчивымъ характеромъ и благоразумнымъ образомъ мыслей. Въ немъ не было того фанатизма и религіозной нетерпимости, которыми отличается большинство католическаго духовенства. Не поступаясь своими прерогативами законоучителя и настоятеля католическаго прихода, чего ему легко было достигнуть, благодаря его характеру, умѣренному образу мыслей и тому уваженію, которымъ онъ пользовался, особенно въ первую половину его дѣятельности, каноникъ Урбанскій не способенъ былъ будировать, идти на проломъ, интриговать и дѣйствовать въ духѣ іезуитизма; но, по своей натурѣ, онъ склоненъ былъ примѣняться къ обстоятельствамъ своего положенія, мириться съ неизбежностію ихъ и вообще дѣйствовать въ духѣ мира, согласія и умиротворенія. Этимъ объясняется благотворное вліяніе его на учениковъ - католиковъ, которымъ онъ постоянно внушалъ уваженіе къ установленнымъ властямъ, къ существующимъ указаніямъ и правиламъ для учащихся. И со стороны гимназій законоучитель Урбанскій встрѣчалъ, какъ отъ католи-

ковъ, такъ и отъ православнаго состава ея, кромѣ личнаго къ нему уваженія, наблюденіе и заботу объ исполненіи учащимися ихъ религіозныхъ обязанностей: каждый праздничный день учащіеся собирались въ гимназіи, предъ отправленіемъ на богослуженіе; классные наставники какъ католическаго, такъ и православнаго исповѣданія, тоже приходили въ гимназію, дѣлали учащимся перекличку, а наставники католическаго исповѣданія, кромѣ того, сопровождали учащихся въ костелъ и присутствовали вмѣстѣ съ ними на богослуженіи. Вслѣдствіе этого въ гимназіи не происходило никакихъ недоразумѣній на религіозной почвѣ.

Каноникъ Урбанскій авторъ многихъ брошюръ и учебныхъ пособій; его ученіе „О богослуженіи“ одобрено и принято руководствомъ для гимназій. Между прочимъ, имъ изданъ „Краткій катехизисъ“, въ которомъ заголовки статей и церковные термины напечатаны, въ скобкахъ, по-русски, а нѣкоторыя молитвы, какъ, напримѣръ: „Богородице, Дѣво, радуйся“, „Молитва Господня“, напечатаны на польскомъ и славянскомъ языкахъ. Переводомъ церковныхъ терминовъ на русскій языкъ каноникъ Урбанскій имѣлъ въ виду помочь учащимся въ усвоеніи ими словъ и выраженій, которыя могутъ быть встрѣчены ими при чтеніи книгъ, а также предотвратить такимъ способомъ неточность и даже, можетъ быть, неправильность объясненій такихъ терминовъ свѣтскими преподавателями и даже лицами не католическаго исповѣданія, которые могли не знать надлежащаго значенія церковныхъ терминовъ. Но такое благое намѣреніе каноника Урбанскаго не встрѣтило одобренія какъ со стороны клерикальнаго католическаго духовенства, такъ и со стороны польскаго общества, и этотъ случай повлекъ за собою первый шагъ нерасположенія къ нему общихъ упомянутыхъ сферъ польскаго клерикализма, и слѣдующее изданіе „Катехизиса“ появилось уже безъ русскихъ заголовковъ и терминовъ.

Несмотря на то, что каноникъ Урбанскій принадлежалъ къ числу не часто встрѣчающихся среди католическаго духовенства лицъ, отличающихся корректностію, умѣренностію своихъ дѣйствій и терпимостію, однако же и онъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ убѣжденій и мнѣній, неразлучныхъ съ его воспитаніемъ и средою, въ которой онъ вращался, между прочимъ, расскажу слѣдующій фактъ. Такъ какъ на польскомъ языкѣ не было подходящаго для гимназіи учебника „Исторія римско-католической церкви“, особенно послѣ изыятія изъ числа учебниковъ „Исторія Церкви“ Вабнера, то каноникъ Урбанскій за-

няясь составленіемъ учебника исторіи церкви, много надъ нимъ работалъ и, по окончаніи труда, представилъ его въ Варшавскій учебный округъ. Окружное начальство возвратило ему рукопись и предложило представить таковую съ переводомъ на русскій языкъ. Снисходя на просьбу каноника Урбанскаго, я согласился перевести, при его участіи, трудъ его на русскій языкъ и при переводѣ наткнулся на нѣсколько примѣровъ неправильнаго освѣщенія историческихъ фактовъ. Такъ, между прочимъ, авторъ въ своемъ трудѣ съ несомнѣнностію утверждаетъ, что св. Кириллъ и Меѳодій были посланы на проповѣдь среди славянъ римскимъ первосвященникомъ и находились въ подчиненіи папѣ, и что Владиміромъ Святымъ христіанство было принято по убѣжденію пословъ хотя и греческаго происхожденія, но зависѣвшихъ отъ папы; однимъ словомъ, проводилась та мысль, что и въ эпоху свв. Кирилла и Меѳодія, и въ эпоху Владиміра Святого главою всего христіанскаго міра былъ римскій первосвященникъ и истиннымъ христіанствомъ было римское исповѣданіе, отъ котораго подъ вліяніемъ Византіи впоследствии отпали народы, исповѣдывавшіе истинную христіанскую вѣру. Стоило значительнаго труда доказать почтенному автору односторонность его воззрѣній и необходимость сдѣлать измѣненія въ текстѣ его учебника. Въ послѣдующее время, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, каноникъ Урбанскій, подъ вліяніемъ измѣнившихся настроеній въ польскомъ обществѣ, нѣсколько, какъ теперь выражаются, полѣвѣлъ; но въ предѣлахъ благоразумія и умѣренности, такъ что это полѣвѣніе его болѣе чувствовалось, нежели проявлялось въ его дѣйствіяхъ.

Будетъ умѣстно упомянуть еще о законоучителѣ Радомской гимназіи третьяго исповѣданія—лютеранскаго, пасторѣ, Оттонѣ Самуиловичѣ Вистегубе. Пасторъ Вистегубе былъ человѣкъ серьезный, хорошій проповѣдникъ и опытный преподаватель; но относился болѣе нежели индифферентно къ обязательнымъ для служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа постановленіямъ и узаконеніямъ и былъ очень склоненъ къ угодливости полякамъ и польскимъ тенденціямъ.

Перехожу къ характеристикѣ преподавателей предметовъ. Среди всѣхъ учителей Радомской гимназіи перваго, такъ сказать, состава ея, послѣ введенія устава 1871 года, наиболѣе выдѣляется, какъ по своему всестороннему развитію, такъ и по педагогической опытности, преподаватель древнихъ языковъ Августъ Фридриховичъ Брузендорфъ. Учитель Брузендорфъ

въ значительной степени напоминалъ преподавателя древнихъ языковъ Петроковской гимназіи Павелка, выгодно отличаясь отъ него тѣмъ, что онъ былъ всесторонне образованъ, слѣдилъ за наукой и не былъ такъ одностороненъ, какъ Павелекъ, который, кромѣ древнихъ языковъ, ничѣмъ болѣе не интересовался. Подобно Павелку, Брузендорфъ получилъ образованіе за границею. Кромѣ древнихъ языковъ, Брузендорфъ зналъ новыя языки, французскій и нѣмецкій, преподаваніе которыхъ ему по временамъ поручалось, зналъ музыку, пѣніе, гимнастику. Съ особымъ увлеченіемъ и интересомъ онъ преподавалъ гимнастику; для оживленія преподаванія, онъ ввелъ гимнастическія упражненія съ палками, объяснялъ учащимся построеніе греческой фаланги; во время уроковъ гимнастики устраивалъ красивыя гимнастическія группы учащихся и разнообразныя построенія и движенія. Памятенъ мнѣ случай, связанный съ преподаваніемъ гимнастики учителемъ Брузендорфомъ. По мысли Брузендорфа, гимназія рѣшила устроить для учащихся гимнастическій праздникъ. Учительскій персоналъ охотно пожертвовалъ необходимую для устройства праздника сумму, на которую были пріобрѣтены бутерброды, молоко, прохладительныя напитки, различныя сладости; военное вѣдомство предложило походныя палатки, не забыта была даже госпитальная фура; доставлены огромныя самовары для приготовленія чаю и предложенъ за небольшое вознагражденіе военный оркестръ. Въ ближайшемъ къ городу лѣсу былъ разбитъ военный лагерь, построены снаряды для гимнастическихъ упражненій, столбы для гигантскихъ шаговъ и проч. Для приданія празднику военного характера насыпанъ былъ небольшой валъ, долженствовавшій изображать собою крѣпость, которую необходимо было защищать отъ нападенія непріятели. Весь лагерь былъ убранъ флагами. На гимнастическій праздникъ были приглашены мѣстныя власти, во главѣ съ начальникомъ губерніи, и родители учащихся. Праздникъ доставилъ истинное удовольствіе и учащимся и публикѣ и шелъ по программѣ ровно, воодушевленно, безъ непредвидѣнныхъ случайностей, до момента нападенія на воображаемую крѣпость и защиты ея. Избранные Брузендорфомъ изъ воспитанниковъ двѣ группы должны были изображать два непріязненныхъ лагеря—нападающихъ на крѣпость и защитниковъ ея. Учащіеся, надо полагать, вообразили себя настоящими воинами и съ такимъ азартомъ вступили въ ратоборство, особенно на стѣнахъ воображаемой крѣпости, что и мнѣ и Брузендорфу стоило большихъ усилій прекратить бой.

окончившійся, впрочемъ, водруженіемъ русскаго флага на валу крѣпости. Этотъ военно-гимнастическій праздникъ, состоявшійся за долго до введенія въ гимназіяхъ военной гимнастики, былъ нѣкоторымъ образомъ предтечею практиковавшихся впоследствии довольно часто военныхъ прогулокъ; но никогда гимназіею не устраивались болѣе примѣрные сраженія.

Къ лучшимъ преподавателямъ гимназіи слѣдуетъ отнести еще преподавателя древнихъ языковъ Павла Павловича Пюрека. Учитель Пюрекъ, уроженецъ Познани, воспитывался въ Бреславскомъ университетѣ; онъ принадлежалъ къ ярымъ классикамъ. Огромнаго роста, съ громкимъ голосомъ и выразительнымъ взглядомъ, которымъ онъ насквозь пронизывалъ учащихся, онъ былъ классическимъ бичемъ для воспитанниковъ. Отличаясь требовательностью въ познаніяхъ учащихся, граничащею съ мелочностію, онъ наводилъ страхъ на учениковъ; его боялись, но не любили, особенно въ виду отсутствія въ немъ абсолютнаго безпристрастія, подававшего ученикамъ поводъ питать противъ него предубѣжденіе и различныя подозрѣнія, не лишеныя иногда вѣроятности, какъ, напр., относительно любви его побесѣдовать съ родителями учениковъ въ ресторанѣ Михальскаго за бутылкою добраго венгерскаго вина. Подобные педагогическіе рефераты Пюрека не оставались для него безъ воздѣйствій и репрессій со стороны его начальства. Былъ еще одинъ дефектъ въ преподавателѣ Пюрекѣ. Будучи убѣжденнымъ классикомъ, онъ всю суть изученія древнихъ языковъ полагалъ собственно въ фактическомъ знаніи, которымъ онъ такъ дорожилъ, а не считалъ изученіе древнихъ языковъ однимъ изъ могучихъ факторовъ умственнаго развитія учащихся. Слѣдуетъ однако признать, что древніе языки преподавались Пюрекомъ въ высшихъ классахъ, особенно восьмомъ, съ большою основательностью и полнотою, преимущественно напиралъ онъ на теоретическую часть грамматики и на древности. Члены испытательныхъ комиссій вслѣдствіе этого весьма часто выступали на защиту учащихся противъ большой требовательности учителя Пюрека. Доказательствомъ основательнаго изученія учениками Пюрека древнихъ языковъ можетъ служить исполненіе ими на греческомъ языкѣ, подъ его руководствомъ, сценъ и хоровъ изъ трагедіи Софокла: „Антигона“, съ музыкой Мендельсона.

Въ обильной классиками Радомской гимназіи преподавателями древнихъ языковъ состояли еще: Гилярій Матвѣевичъ

Альфавицкій и Игнатій Михайловичъ Тричинскій; послѣдній изъ нихъ заболѣлъ нервною болѣзнію.

Катастрофа съ Тричинскимъ представляетъ, къ сожалѣнію, не единственный случай нервного заболѣванія преподавателей въ Радомѣ. Кромѣ Тричинскаго, этой болѣзнію были больны: преподавателя мужской гимназіи—Годлевскій и Срѣтенскій и женской гимназіи—Савицкій и Некрасовъ.

Петръ Осиповичъ Годлевскій, до введенія устава 1871 г., состоялъ помощникомъ инспектора Радомской гимназіи и преподавалъ въ высшихъ классахъ математику и физику. Годлевскій былъ преподаватель способный, любилъ математику и усердно занимался ею. Онъ написалъ и издалъ довольно объемистую книгу: „Теорія реклинацій“, заключающую въ себѣ рѣшеніе тригонометрическихъ величинъ безъ логарифмовъ. Трудъ его прошелъ незамѣченнымъ. Въ бытность преподавателемъ Радомской гимназіи, Годлевскій не обнаруживалъ никакихъ странностей. Острый припадокъ болѣзни произошелъ съ Годлевскимъ уже въ бытность его на службѣ въ Варшавѣ. Во время такого припадка, Годлевскій, недавно предъ тѣмъ женившійся, зарѣзалъ жену и самъ выбросился изъ окна, съ четвертаго этажа своей квартиры.

Не такъ трагически погибъ молодой и достаточно способный и усердный преподаватель русскаго языка Радомской мужской гимназіи, окончившій курсъ Кіевской духовной академіи Дмитрій Ивановичъ Срѣтенскій. Прослуживъ въ Радомской гимназіи болѣе 17 лѣтъ, онъ заболѣлъ нервною болѣзнію, былъ уволенъ по болѣзни отъ службы, съ пенсіей и переѣхалъ на жительство въ Орель, гдѣ жилъ его отецъ; здѣсь болѣзнь его усилилась еще болѣе, и онъ умеръ въ Орловской больницѣ.

Чтобы покончить съ этой несчастной серіей преподавателей, я позволю себѣ забѣжать нѣсколько впередъ и упомянуть о сверхштатномъ преподавателѣ математики Э..., почти непосредственно, по окончаніи высшаго учебнаго заведенія, поступившемъ на службу въ Радомскую гимназію.

Когда я былъ на первомъ урокѣ учителя Э... по физикѣ въ 6 классѣ, я пришелъ въ восторгъ отъ его блестящихъ педагогическихъ способностей. Шелъ очередной урокъ по физикѣ о ноніусѣ, который Э... далъ безъ предварительнаго приготовленія: онъ велъ его наглядно, кратко, но математически точно, съ энергіей и воодушевленіемъ. Я не встрѣчалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавателя математики болѣе блестящаго, какъ Э... Но, къ сожалѣнію, вскорѣ пришлось убѣдиться.

что Э... не намѣренъ баловать своихъ питомцевъ такими уроками: онъ началъ заживать, и представилась необходимость перевести его въ другія учебныя заведенія, и несчастный молодой человѣкъ окончилъ жизнь свою нервнымъ разстройствомъ.

Страшно становится, когда вспомнишь, сколько изъ числа моихъ товарищей, сослуживцевъ и знакомыхъ погибло на службѣ въ Царствѣ Польскомъ. Я не могу авторитетно утверждать, что причиною ихъ гибели и смерти были единственно неблагоприятныя и тяжелыя условія педагогической дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ; но съ положительностію могу сказать, что эти тяжелыя условія въ значительной степени способствовали развитію во многихъ изъ нихъ психическихъ и другихъ губельныхъ для жизни и здоровья ихъ заболѣваній.

Къ числу выдающихся преподавателей Радомской мужской гимназіи слѣдуетъ отнести еще учителя чистописанія и рисованія Ипполита Альбиновича Пинко. Хотя предметъ преподаванія его относится собственно къ области искусствъ, но умѣлое и изящное преподаваніе рисованія имѣетъ большое значеніе для систематическаго развитія учащихся. Учитель Пинко, всегда самъ корректный, изящно одѣтый, съ благородными манерами, отличался любовью къ преподаваемому имъ предмету. Хотя этотъ предметъ былъ обязателенъ только до четвертаго класса, но ученики, имѣющіе способности къ рисованію, брали у него необязательные уроки рисованія въ теченіе всего гимназическаго курса. Ученики Радомской гимназіи, за время учителя Пинко, всегда оказывали прекрасные успѣхи въ рисованіи и на періодическихъ выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ работы по рисованію учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній получали медали, удостаивались похвальныхъ отзывовъ. Самъ Пинко обладалъ недюжиннымъ талантомъ въ живописи. Имъ исполнено довольно много портретовъ и этюдовъ. Онъ весьма отзывчиво относился къ живописнымъ заказамъ Радомской гимназіи и многія работы исполнялъ безвозмездно. Имъ исполненъ для новой актовой залы гимназіи, въ весь ростъ, портретъ Императора Александра III. Къ этому портрету по рисунку Пинко была заказана художественная рама, стоявшая 600 рублей, самый же портретъ, стоимость котораго по заказу могла быть отъ 600 до 800 рублей, исполненъ Пинко безвозмездно; только гимназіей были возвращены ему расходы за пріобрѣтеніе полотна и красокъ. Также безвозмездно исполнена имъ художественная копія съ религіозной, большого размѣра, картины Плакгорста:

„Спасеніе Христомъ утопающаго апостола Петра“, сооруженной для костела учащимися римско-католическаго исповѣданія въ память чудеснаго событія въ Боркахъ, 17 октября 1888 г.; и нарисована для актовъ залы гимназіи икона Христа Спасителя, сооруженная гимназіей въ память событія въ Отсу, въ Японіи, и другія работы. Отличаясь художественнымъ вкусомъ, Пинко всегда охотно занимался убранствомъ и декорированіемъ гимназіи во время различныхъ состоявшихся въ ней торжествъ и юбилеевъ. Къ числу скромныхъ, но полезныхъ дѣятелей гимназіи слѣдуетъ отнести преподавателя русскаго языка Михаила Петровича Будянскаго, прослужившаго въ гимназіи свыше 30 лѣтъ и отличавшагося трудоспособностію и необыкновенною аккуратностію въ исполненіи своихъ обязанностей.

Хотя въ Радомской гимназіи были такіе раритеты, какъ учитель нѣмецкаго языка Гогкидорфъ, все же составъ учителей, въ педагогическомъ отношеніи, былъ удовлетворительный, какъ объ этомъ уже было упомянуто мною, тѣмъ болѣе, что съ самаго начала реформы, вслѣдствіе открытія вакансій, за выслугою лѣтъ преподавателями и за смертію нѣкоторыхъ изъ нихъ, этотъ составъ постоянно пополняется новыми преподавателями, между которыми были и выдающіеся по своимъ способностямъ учителя. Эти новые учителя были приобрѣтеніемъ для гимназіи въ учебномъ отношеніи, но не были цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ товарищескомъ отношеніи и въ смыслѣ общительности въ педагогической средѣ. Они были крайніе польскіе націоналисты, одинъ изъ нихъ открыто выражалъ свое нерасположеніе ко всему русскому и простиралъ это чувство до того, что, кромѣ служебныхъ случаевъ, избѣгалъ сношеній и разговоровъ съ русскими учителями и, входя въ учительскую, старался или такъ пройти, чтобы избѣжать подачи руки русскимъ преподавателямъ или демонстративно не подавалъ руки никому изъ нихъ, особенно если въ учительской не было ни директора, ни инспектора. Старые преподаватели, особенно прежняго режима, временъ Пристыка и даже Лебединцева, держались нейтрально и корректно, но все же искренности, желанія сойтись съ русскимъ персоналомъ у многихъ изъ нихъ не было.

Вслѣдствіе этого не было и такого единства и товарищескихъ отношеній, какія существовали среди учительскаго персонала въ Петроковской гимназіи. Это обстоятельство должно было содѣйствовать сближенію между собою русскихъ педагоговъ, тѣмъ болѣе, что такому сближенію благопріятствовали и

случайныя обстоятельства, и личный характеръ русскаго педагогическаго персонала и, наконецъ, нравственная потребность искать развлеченія въ обществѣ, чтобы хотя на нѣкоторое время отрѣшиться отъ тяжелыхъ условій служебной среды. Благоприятнымъ для такого сближенія фактомъ было то обстоятельство, что опять и въ Радомѣ, какъ и въ Петроковѣ, сошлись нѣсколько человѣкъ земляковъ: начальникъ Радомской учебной дирекціи Ѳ. Г. Лебединцевъ, учитель русскаго языка Срѣтенскій и я были кіевляне; нѣсколько позднѣе къ нашему землячеству присоединился учитель Радомской женской гимназіи М. Д. Успенскій, бывшій преподаватель Кіевской 1 гимназіи. Во главѣ съ гостепріимнымъ семействомъ директора гимназіи Маркіановича, русскіе педагоги образовали кружокъ изъ 6—8 семействъ и еженедѣльно по субботамъ устраивали очередныя журфиксы.

Составъ кружка былъ исключительно педагогическій, поэтому всѣ члены кружка были связаны общностію интересовъ, чувствовали себя непринужденно и проводили время весело въ дружной бесѣдѣ, въ чтеніи литературныхъ произведеній и карточной игрѣ. Чтецомъ былъ завѣдывающій Радомскою женскою гимназіею Михайлъ Корнильевичъ Поповъ, человѣкъ не молодой, но жизнерадостный и развитой; онъ былъ женатъ на родной сестрѣ знаменитаго химика Менделеева, еще не бывшаго въ то время въ ореолѣ всемірной славы; интереснымъ рассказчикомъ, обладавшимъ юморомъ и неистощимымъ запасомъ различныхъ эпизодовъ, былъ Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ. Особенно весело и непринужденно чувствовали себя педагоги въ квартирахъ холостыхъ членовъ своей педагогической семьи, на вечерахъ у которыхъ и жизнерадостныхъ педагогическихъ дамъ всегда было много матеріала для остротъ и здраваго смѣха. Такія собранія не были ни для кого обременительны, тѣмъ болѣе, что они отличались простотой и невзыскательностію, такъ что принять раза два—три, въ теченіе зимы, 12—16 человѣкъ вовсе не было тяжело для членовъ кружка.

Телерь по плану мнѣ слѣдуетъ перейти къ характеристикѣ учениковъ Радомской мужской гимназіи въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и сравнивать ихъ въ этихъ отношеніяхъ съ учениками Петроковской гимназіи, ограничивая такую характеристику учениковъ Радомской гимназіи собственно временемъ вступленія моего на службу въ эту гимназію и не далѣе истеченія перваго періода этихъ воспоминаній, т. е. 1883/4 учебн. года. Въ общемъ ученики Радомской гимназіи произвели

на меня благопріятное впечатлѣніе какъ въ учебномъ, такъ въ особенности въ нравственномъ отношеніи: они были прилежнѣе учениковъ Петроковской гимназіи, болѣе ихъ развиты; по крайней мѣрѣ среди воспитанниковъ Радомской гимназіи встрѣчалось болѣе способныхъ учениковъ, нежели это наблюдалось въ Петроковской гимназіи. Въ нравственномъ же отношеніи въ общемъ они стояли выше учениковъ Петроковской гимназіи: они отличались достаточною выдержанностію, большею благовоспитанностію и не обнаруживали, по крайней мѣрѣ въ теченіе семидесятихъ годовъ, рѣзкихъ проявленій польскаго шовинизма, не выражали оцутительно нерасположенія къ изученію русскаго языка и употребленію русской разговорной рѣчи въ стѣнахъ заведенія. Многіе очень усердно занимались русскимъ языкомъ, чтеніемъ русскихъ книгъ и исполненіемъ письменныхъ работъ по русскому языку, часто въ объемѣ, превосходящемъ установленную норму. Но дѣлая ученикамъ Радомской гимназіи такую характеристику, я этимъ не выдаю имъ аттестать ихъ абсолютнаго нравственнаго превосходства предъ учениками Петроковской гимназіи и не отношу такое ихъ превосходство къ самой природѣ ихъ, но только констатирую тотъ фактъ, что означенное превосходство ихъ наблюдалось въ разсматриваемое мною время, но сущность этого превосходства, заключавшагося не въ самой натурѣ учениковъ, а въ обстоятельствахъ и духѣ времени, можетъ быть объяснена ниже слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, на службу въ Петроковскую гимназію я поступилъ въ 1867 году, почти непосредственно послѣ усмиренія польскаго возстанія, когда страсти народныя еще не совсѣмъ улеглись; въ Радомскую же гимназію я перешелъ на службу въ 1873 году, т.-е. семь лѣтъ позднѣе, когда обостренныя отношенія между русскими и поляками начали нѣсколько сглаживаться. Во-вторыхъ, большая выдержанность учениковъ Радомской гимназіи, сравнительно съ учениками Петроковской гимназіи, должна быть отчасти объяснена не врожденными нравственными качествами и настроеніями учениковъ той и другой гимназіи, а режимомъ, господствовавшимъ въ обоихъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ сказаннаго на предыдущихъ страницахъ настоящихъ воспоминаній достаточно ясно, что режимъ Петроковской гимназіи въ шестидесятихъ годахъ не былъ благопріятенъ для процвѣтанія этого учебнаго заведенія. Въ Радомской же гимназіи въ соотвѣтственное время и инспекторъ гимназіи Хорошевскій и начальники учебной дирекціи Тимоѣей Ивановичъ Пристюкъ и Теофанъ Гаврило-

вичъ Лебединцевъ внимательно относились къ состоянію учебнаго и воспитательнаго дѣла въ гимназіи и поддерживали въ ней строгій режимъ. Слѣдовательно, чтобы выяснитъ нравственный обликъ обоихъ этихъ учебныхъ заведеній, необходимо взять ихъ въ одинъ и тотъ же моментъ и при одинаковыхъ условіяхъ. Такимъ моментомъ можетъ быть то время, когда оба эти учебныя заведенія находились въ одинаковыхъ условіяхъ, въ состояніи анархіи, въ періодъ польскаго возстанія.

При поступленіи моемъ на службу въ Петроковскую гимназію, въ седьмомъ классѣ я засталъ такой составъ учениковъ, что половина его во время возстанія участвовала въ повстанческихъ бандахъ. Подробности поведенія учениковъ Петроковской гимназіи во время возстанія мнѣ неизвѣстны, такъ какъ я не изучалъ архива этой гимназіи, но уже одинъ вышеприведенный фактъ достаточно характеризуетъ это поведеніе ихъ; что же касается Радомской гимназіи, то исторія ея мнѣ подробно извѣстна, такъ какъ при составленіи „Исторической записки о состояніи Радомской мужской гимназіи въ первое пятидесятилѣтіе ея существованія (1833/4 — 1883/4 гг.)“, изготовленной мною къ юбилею гимназіи, я подробно ознакомился съ архивомъ этого учебнаго заведенія, сдѣлалъ необходимыя выписки и могу представить состояніе гимназіи въ любомъ отношеніи. На основаніи такихъ убѣдительныхъ данныхъ явственно видно, что нравственное состояніе учащихся Радомской гимназіи во время возстанія, въ періодъ анархіи, когда страсти и настроенія ихъ ничѣмъ не сдерживались, было нисколько не выше состоянія учащихся Петроковской гимназіи. Вообще это настроеніе соответствовало аналогическому настроенію учащихся всѣхъ вообще учебныхъ заведеній Царства Польскаго и нравственному настроенію и характеру польской молодежи, руководимой старшимъ поколѣніемъ, при всякихъ осложненіяхъ и политическихъ беспорядкахъ, выпускавшимъ молодежь въ авангардѣ этихъ беспорядковъ, въ роли пробныхъ шаровъ, застрѣльщиковъ и предвѣстниковъ броженія въ обществѣ. Вслѣдствіе такого воздѣйствія старшаго поколѣнія на неопытную и впечатлительную молодежь и всѣ движенія польской молодежи продѣлывались по общей шаблонной программѣ. Обыкновенно при наступленіи броженій въ учебныхъ заведеніяхъ молодежь, подъ вліяніемъ возбужденія, начинала обнаруживать малый интересъ къ научнымъ занятіямъ, дѣлалась чуткою къ внѣшнимъ настроеніямъ и чрезвычайно впечатлительной, склонной къ школьнымъ выходкамъ, даже беспорядкамъ и расположенной прини-

мать участіе въ общественныхъ движеніяхъ политическаго характера. А это участіе въ общественныхъ движеніяхъ политическаго характера начиналось въ стѣнахъ учебныхъ заведеній пренебреженіемъ къ изученію русскаго языка, неуваженіемъ и даже оскорбленіемъ русскихъ учителей и массовыми беспорядками въ классахъ, а внѣ стѣнъ учебнаго заведенія — оскорбленіемъ русскихъ на улицѣ, участіемъ въ пѣніи въ костелахъ революціонныхъ гимновъ и въ политическихъ демонстраціяхъ, и оканчивалось участіемъ воспитанниковъ старшихъ классовъ въ повстанческихъ бандахъ. Вся эта программа съ поразительною точностью была выполнена и учениками Радомской мужской гимназіи въ революціонный періодъ.

Не только въ поведеніи учащихся Радомской гимназіи, во время возстанія, замѣчается аналогія съ поведеніемъ воспитанниковъ Петроковской гимназіи, но такая же аналогія наблюдается и въ настроеніи учительскаго персонала обоихъ учебныхъ заведеній: въ Петроковѣ, когда ученики гимназіи предъ уходомъ втайнѣ строились въ ряды, на гимназическомъ дворѣ, предъ окнами квартиры законоучителя ксендза В., онъ, облокотившись руками на подоконникъ, умильно смотрѣлъ на эти весьма понятныя для него упражненія и предъ самымъ выступленіемъ юныхъ бандитовъ едва замѣтнымъ кржижикомъ (крестомъ) благословилъ ихъ на патріотическіе подвиги, а въ Радомѣ нѣкоторые учителя принадлежали къ политическимъ организаціямъ, а одинъ изъ нихъ, В. Александровичъ, 5 іюля 1863 г. оставилъ гимназію, поступилъ въ мятежническую шайку и затѣмъ, кажется, бѣжалъ за границу.

Если въ взбаламученное время ученики Радомской гимназіи въ нравственномъ отношеніи не превосходили учениковъ Петроковской гимназіи, то въ спокойное время, когда нѣтъ волненій въ краѣ и жизнь идетъ мѣрнымъ темпомъ, и при томъ при твердомъ и опредѣленномъ режимѣ, не только въ сферѣ гимназической, но и въ сферѣ общей политики, проводимой въ краѣ, поведеніе учениковъ Радомской гимназіи не вызывало особыхъ нареканій. Вообще польскія дѣти имѣютъ въ себѣ много симпатическихъ чертъ: они привязаны къ семьѣ и находятся въ повиновеніи родителямъ; они религіозны, вѣжливы и, большею частью, благовоспитаны; прилежны и настойчивы въ трудѣ, значительно трудоспособнѣе русскихъ учениковъ, по крайней мѣрѣ, въ гимназіяхъ Царства Польскаго, гдѣ русскіе ученики не основательно стремятся пользоваться снисходительностью при оцѣнкѣ ихъ успѣховъ и поведенія, какъ бы въ силу ихъ при-

вилегированнаго положенія; но въ отношеніи умственномъ ученики-поляки обладаютъ средними способностями, и между ними менѣе встрѣчается выдающихся и даровитыхъ учениковъ, нежели среди русскихъ воспитанниковъ. Къ отрицательнымъ сторонамъ характера польскихъ дѣтей относится какъ бы врожденное нерасположеніе ихъ ко всему русскому, отсутствіе искренности, склонность къ лицемерію и обману лицъ учебнаго персонала, особенно если они русскаго происхожденія. Послѣдніе недостатки объясняются историческими причинами. Вообще же повторяю еще разъ, польскія дѣти имѣютъ много симпатичныхъ чертъ, но тѣмъ прискорбнѣе наблюдать зараженіе невинной дѣтской натуры со стороны старшихъ и даже родителей такими внушеніями, которымъ не должно быть мѣста въ дѣтской душѣ, и которыя могли бы возникнуть въ ней въ другую болѣе зрѣлую пору, если бы для этого встрѣтилась благопріятная почва во внѣшнихъ обстоятельствахъ, вытекающихъ изъ польско-русскихъ отношеній; но польскія дѣти сѣмена такихъ внушенныхъ чувствъ и тенденцій носятъ въ своей душѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Поэтому-то въ польскихъ дѣтяхъ наблюдается какъ бы двойственность ихъ натуры: сегодня вѣжливые, благовоспитанные, спокойные и почтительные ученики, завтра, — подъ вліяніемъ воздѣйствій и данныхъ имъ лозунговъ, дѣлаются неузнаваемыми и обнаруживаютъ совершенно противоположныя качества. Такія метаморфозы мнѣ приходилось наблюдать неоднократно, а такая способность къ быстрой перемѣнѣ въ настроеніи польскихъ учениковъ является слѣдствіемъ того, что они, во-первыхъ, очень впечатлительны и, во-вторыхъ, носятъ въ душѣ своей двойственность чувствъ и проявляютъ то ту, то другую сторону ихъ, въ зависимости отъ родительскихъ внушеній, внѣшнихъ воздѣйствій и внѣшнихъ обстоятельствъ.

Прискорбно наблюдать польскихъ дѣтей въ ихъ отрицательномъ настроеніи. Не надобно болѣе милыхъ и болѣе пріятныхъ дѣтей, какъ польскія дѣти въ ихъ внѣтенденціозномъ настроеніи, и нѣтъ звѣрять болѣе свирѣпыхъ и коварныхъ, какъ польскія дѣти, когда они враждебно настроены, возбуждены и проникнуты національною враждою. Въ этомъ случаѣ они въ общемъ являются крайне неблагоприятными. Никакая забота, никакая привязанность русскаго педагога къ польскимъ дѣтямъ, никакое доброжелательство и прямое благодѣяніе имъ не гарантируетъ его отъ непріязни и даже ненависти къ нему польскихъ учениковъ, единственно только въ силу русскаго происхожденія педагога. Такая оцѣнка чувствъ и дѣятельности рус-

скаго педагога, если не всегда проявляется польскими дѣтьми внѣшнимъ образомъ, то, безъ сомнѣнія, всегда, за незначительными исключеніями, таится въ ихъ душѣ, а такое отношеніе польскихъ дѣтей къ русскимъ педагогамъ дѣйствуетъ на этихъ послѣднихъ крайне удручающимъ образомъ, особенно на тѣхъ изъ нихъ, которые были преданы дѣлу воспитанія польскаго юношества, посвятили этому дѣлу всѣ свои силы и провели въ краѣ лучшіе годы своей жизни, прослуживъ 25 и болѣе лѣтъ.

И былъ бы несправедливъ, если бы не сказалъ, что и между родителями-поляками и между польскими воспитанниками встрѣчаются люди, умѣющіе цѣнить дѣятельность и русскихъ педагоговъ, не забывающихъ добрыхъ чувствъ ихъ къ нимъ, ихъ полезной педагогической дѣятельности и оказаннаго имъ доброжелательства; но процентъ такихъ людей незначителенъ, и тотъ относится преимущественно къ временамъ мирнаго спокойнаго состоянія края и опредѣленнаго и стойкаго режима.

Отъ общихъ разсужденій о поведеніи учениковъ Радомской гимназіи въ разсматриваемый періодъ времени слѣдуетъ перейти къ фактическимъ даннымъ, касающимся Радомской гимназіи. Какъ было упомянуто выше, въ поведеніи учениковъ Радомской гимназіи не было наблюдаемо рѣзкихъ проступковъ и нарушеній дисциплины, но слѣдуетъ упомянуть объ одномъ прискорбномъ проступкѣ учениковъ, довольно часто практиковавшемся, впрочемъ, не одними только учениками Радомской гимназіи, но и вообще воспитанниками польскаго происхожденія, преимущественно въ провинціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ проступокъ состоялъ въ бросаніи камней въ окна квартиры нелюбимыхъ учителей, или какъ выраженіе мести учителю, за кажущуюся ученику несправедливую оцѣнку учителемъ его познаній или поведенія. Слѣдуетъ упомянуть, что бомбардировка производилась очень рѣдко и такъ неожиданно и съ такимъ искусствомъ, что не возможно бывало обнаружить виновныхъ. Затѣмъ былъ такой случай бомбардировки: въ ночное время быстро проѣзжаетъ по улицѣ экипажъ, и изъ экипажа, видимо посредствомъ праща, бросается въ окно небольшой камушекъ, который пронизываетъ стекло даже безъ большого шума. Бомбардировка педагогическихъ оконъ практиковалась въ то время, когда въ учебныхъ заведеніяхъ и вообще въ краѣ существовали строгій режимъ и твердость политики, и учащіеся не смѣли обнаруживать предъ педагогами своихъ чувствъ и своего неудовольствія посредствомъ рѣзкихъ объясненій; когда же наступали другія времена, началась всюду неустойчивость

политики и броженіе среди общества, этотъ патриархальный способъ выраженія своихъ чувствъ и своего неудовольствія посредствомъ бомбардировки учительскихъ оконъ былъ оставленъ, и учащіеся начали вступать въ различныя объясненія съ педагогами, а ихъ родители стали подавать начальству ходатайства и жалобы на педагоговъ, а затѣмъ учащіеся начали выражать неудовольствія и осуществлять свои требованія посредствомъ нарушенія дисциплины цѣлыми классами и даже бунтами учебныхъ заведеній, о чемъ въ свое время будетъ сказано.

Изложеннымъ выше я охарактеризовалъ состояніе польскаго и русскаго общества въ періодъ времени съ начала шестидесятыхъ годовъ до первой половины восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; равно какъ и состояніе Радомской мужской гимназіи приблизительно за этотъ же періодъ, и теперь мнѣ слѣдовало бы, по намѣченному уже плану, изложить второй періодъ моей службы въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и въ частности въ Радомской гимназіи, но такъ какъ періодъ этотъ продолжался ровно двадцать лѣтъ и при томъ служба моя протекала непрерывно въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи, то изложеніе всѣхъ обстоятельствъ этой службы, въ теченіе которой предо мною прошелъ цѣлый рядъ обыденныхъ фактовъ и длинная галерея лицъ учебнаго персонала, было бы и затруднительно, и нѣсколько однообразно для читателя, то я предпочитаю изложить этотъ послѣдній періодъ моей службы, какъ я уже упоминалъ объ этомъ, не въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ, а въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ и фактовъ изъ этого періода моей службы, — болѣе интересныхъ и болѣе рельефныхъ, при чемъ измѣняю и самую форму изложенія, переходя отъ перваго лица къ третьему.

В. Г. Смородиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

